

Еще раз о происхождении окончания 3-го лица един. числа настоящего времени в пермских языках

Проблема происхождения формы 3-го лица един. числа настоящего времени в пермских языках привлекала к себе неоднократно внимание финно-угристов. Однако единого мнения относительно причины возникновения этой формы не существует.

И. СИННЕЙ в свое время высказал предположение, что форма 3-го лица ед. числа настоящего времени в пермских языках является по своему происхождению отглагольным именем, например, зыр. *nulš*, вот. *nulä* «он лижет», первоначально «лижущий».¹ В. И. ЛЫТКИН считает эту форму чистой глагольной основой, лишённой личного окончания.²

Некоторые лингвисты считают, что она образовалась в результате утраты конечного суффикса так, например Э. СЕТЕЛЯ усматривал в более древнем облике этой формы элемент *i*, чем, по его мнению, объясняется наличие умлаута, отсутствующего в других лицах.³

А. И. ЕМЕЛЬЯНОВ предполагает, что данная форма образовалась в результате утраты показателя настоящего времени *k~γ*. Поскольку суффикс *g* имел чередующийся вариант *j*, то в результате слияния конечного гласного основы с *j* мог возникнуть дифтонг, впоследствии превратившийся в монофтонг *ε*. Д. ЛАКО также предполагает, что окончание этой формы возникло в результате отпадения конечных финно-угорских суффиксов *k~γ*.⁴ Необычайная трудность разрешения этой проблемы состоит в том, что наука не располагает материалами по пермским языкам, относящимися к периоду, предшествовавшему возникновению этой формы, вследствие чего сам процесс ее образования очень трудно представить.

С точки зрения логики все гипотезы, касающиеся ее образования, являются в одинаковой степени обоснованными. Окончание 3-го лица ед. числа настоящего времени в пермских языках может представлять чистую основу. Не исключена также возможность утраты какого-нибудь суффикса. В истории финно-угорских языков наблюдаются также случаи, когда в роли формы 3-го лица един. числа выступает причастие настоящего времени, ср. эрзя — морд. *моли* «он идет», букв. «идуший».

Не претендуя на окончательное решение данной проблемы, которая,

¹ J. SZINNYEI, *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, Leipzig 1910, 150.

² См. Д. В. БУБРИХ, *Историческая морфология финского языка*. М.—Л. 1955, стр. 179. Примечание 2-ое.

³ E. SETÄLÄ, *Zur Geschichte der Tempus und Modusstambildung in den finnisch-ugrischen Sprachen*. Helsingfors 1887, 83.

⁴ А. И. ЕМЕЛЬЯНОВ, *Грамматика вотяцкого языка*. Ленинград 1927, стр. 159.

как нам кажется, вообще вряд ли когданибудь будет решена окончательно, мы предпринимаем еще одну попытку ее решения.

Точкой опоры для решения этого вопроса для нас служит омонимия суффикса *к*-ового латива и показателя настоящего времени. Утрата этих суффиксов в том и другом случае давала одинаковые фонетические результаты.

А. И. ЕМЕЛЬЯНОВ, рассматривая случаи наличия в вотяцком языке звука *е* (*ε*) указывает между прочим, что оно наличествует перед падежным суффиксом иллатива *-ε* (*+*g*): *karε* «в город» и в 3-м лице ед. числа изъявительного наклонения настоящего времени — (**g*): *berde* «плачет».⁵ Это же мнение разделяет так же Д. ЛАКО.⁶

Более наглядно процесс фонетического развития этих форм можно было бы представить в следующей таблице:

Л а т и в		Оконч. 3-го л. ед. ч. наст. времени	
древ. форма	нов. форма	древн. форма	нов. форма
зыр. <i>vör</i> ? + <i>к ~ γ</i>	<i>vorö</i>	<i>mun</i> ? + <i>к ~ γ</i>	<i>munö</i>
«в лес»		«он идет»	

Наши предшественники, указывая на абсолютное тождество этих фонетических процессов, однако не делали вывода о тождестве самих суффиксов.

Мы предполагаем, что суффикс *к*-ового латива и суффикс настоящего времени представляли в сущности один и тот же суффикс. Точной опоры для нашей гипотезы является марийский язык, где окончание третьего лица ед. числа настоящего времени глаголов первого спряжения *-еш*, например, *налеш* «он берет» имеет какое то странное совпадение с окончанием старого марийского латива на *еш*, например *ялеш* «в деревню».

Совпадение форм в коми и марийском языках можно было бы выразить в виде уравнения Коми-зыр. *босьтö* «он берет» = *сиктö* «в деревню».

Марийское *налеш* «он берет» = *ялеш* «в деревню».

На первый взгляд может показаться, что между этими формами вообще не может быть никаких точек соприкосновения. Действительно, в настоящее время между этими формами нет абсолютно никаких точек соприкосновения, но если исходить из их генезиса, то в прошлом такие точки соприкосновения могли быть.

Допустим, что в пермских и марийских языках некогда существовало особое причастие будущего времени, образованное при помощи окончания латива. В пермских языках оно могло иметь показатель *к*-ового, а в марийском языке показатель *с*-ового латива.

Возможность образования причастия будущего времени посредством суффикса латива в известной степени подтверждается некоторыми фактами из области тюркских языков.

⁵ А. И. ЕМЕЛЬЯНОВ, там же стр. 28—29.

⁶ Gy. LAKÓ, A permi nyelvek szövégi magánhangzói. Budapest 1934, 47.

В тюркских языках довольно широко распространено причастие будущего времени на *-r* используемое обычно для образования будущего времени, например, в татарском *мин башлар-мын* «я, вероятно, начну».

По всей видимости, это *-r* генетически связано в окончанием древнего алтайского латива на *-ru, -rū*, ср. древнетюркское *abinrū* «(По направлению) к моему дому», *bärü* «сюда», уйгурск. *kirü* «обратно». Иногда оно употребляется после окончания дательного падежа, например, *qayanyaru* «к кахану», *bigärü* «к нам» и т. д.⁷

Будущее время, как известно, обозначает действие, проицируемое в план будущего.

Суффикс направительного падежа является вполне пригодным средством для выражения проекции действия в план будущего, поскольку направление движения есть также своего рода проекция. Показательным примером может служить образование в разных языках супинов и инфинитивов, обозначающих цель действия, ср. латинский супин типа *laudatum* «чтобы хвалить» выраженный формой винительного падежа, который в латинском языке мог также выражать направление действия, например, *Romam ire* «идти в Рим», инфинитив в марийском языке типа *лукташ* «вынимать», где окончание *-ш* (< *-с) является фактическим окончанием латива, инфинитив в татарском языке типа *язьрга* «писать», где *-га* — окончание дательного направительного падежа, наконец, некоторые инфинитивы в финском языке, например *saada* «получить», где *-da* из **-tak*, а *-k* окончание древнего латива на *-k*, *luketaan* «читать», где опять таки окончание латива на **-ń* т. д.

Причастие будущего времени в пермских языках вторглось в систему форм настоящего времени и позднее, очевидно, вытеснило какие-то ранее существовавшие формы настоящего времени. О существовании таких форм свидетельствуют диалекты коми-зырянского языка. Так, например, в некоторых говорах удорского диалекта в роли окончания 3-го лица ед. числа настоящего времени выступает *-ас*, например, *мунас* «он идет».⁸

В памятниках древне-пермской письменности встречаются формы на *-а*, например, *локта* «придет», ц. сл. «грядет».⁹

По утверждению А. И. ЕМЕЛЬЯНОВА в произведениях удмуртской народной словесности встречаются случаи, когда форма будущего времени имеет значение настоящего времени, например, *pinal murt pinal murtin veraskoz* «молодой человек с молодым человеком и разговаривает».¹⁰

Типологически марийский язык стоит ближе к пермским языкам, чем к мордовскому. Эти типологические сходства свидетельствуют о том, что между марийским языком и пермскими языками в далеком историческом прошлом имело место какое то взаимодействие. Очевидно, по модели пермских языков, в которых в роли 3-го лица ед. числа настоящего времени начало выступать причастие будущего времени, представляющее форму латива, подобное образование возникло и в марийском языке. Правда, оно не сумело

⁷ G. J. RAMSTEDT, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II. Formenlehre. Helsinki 1952, 38.

⁸ В современном литературном коми языке эта форма имеет значение будущего времени.

⁹ В. И. ЛЫТКИН, Древне-пермский язык. Москва 1952, стр. III.

¹⁰ А. И. ЕМЕЛЬЯНОВ, Грамматика вотяцкого языка. Ленинград 1927, стр. 158—9.

полностью вытеснить другую форму 3-го лица ед. ч. настоящего времени и утвердилось только в парадигме глаголов второго спряжения.

Весьма возможно, что форма 3-го лица ед. числа настоящего времени в пермских языках представляет, как предполагали некоторые исследователи, остаток системы настоящего времени с показателем *-k*. Но это настоящее время, как нам кажется, было в действительности будущим временем, образованным на базе причастия будущего времени, которое было образовано в свою очередь при участии лативного суффикса *-k*.

Москва.

В. СЕРЕБРЕННИКОВ